

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Хуан Чжунлянь	5
Предисловие автора.....	20
Пролегомены	24
Библиография.....	24
Перевод.....	25
Романизация	27
Произношение китайских слов.....	31
Исторические справки.....	33
Глава 1. Китайская письменность.....	42
Глава 2. Инь-ян	65

Глава 3. Дао	99
Глава 4. Увэй	136
Глава 5. Дэ — нравственность	181
Новое начало. Хуан Чжунлянь	213

ПРЕДИСЛОВИЕ

Хуан Чжунлян

Последнее утро, которое я провел с Аланом Уотсом, мы встретили в его библиотеке, откуда открывался вид на Мьюирский лес. Мы пили чай, играли на бамбуковой флейте и перебирали струны кото в окружении эвкалипта. Только закончилась неделя наших занятий в Эсаленском институте в Биг-Суре и на пароме Общества сравнительной философии в Сосалито. Я помог ему с его книгой, а он только дочитал мою рукопись «Обними тигра и вернись в горы». Мы сидели на полу, разбирались в записях, кивали друг другу и улыбались. Вдруг Алан резко вскочил и начал радостно танцевать, импровизируя

на манер Тайцзи, выкрикивая при этом: «Ага! Тайцзи — это Дао, увэй, цзыжань, он как вода, как ветер, как мореплавание и серфинг, танцуй руками, головой, спиной, бедрами и коленями... танцуй кистью, голосом... Ха-ха-ха! Ла-ла-ла... Ох...о...». Он грациозно сел за свой рабочий стол, вставил бумагу в печатную машинку и начал танцевать по ней пальцами, все напевая и напевая... Он писал предисловие к моей книге, в котором прекрасно выразил всю сущность Тайцзи. Вероятно, это было последнее, что он написал перед изнурительной поездкой с лекциями по Европе, которая оторвала его от этого стола — и от его нового способа спонтанного, веселого писательства.

Алан хотел, чтобы книга про Дао написала себя сама. Как ученый, он знал, что обнаружит новые темы и вариации, в которых соединяются Восток и Запад. Но как человек Дао он понимал, что должен перестать контролировать ее своим умом. Ведь книга ясно говорит: «Дао, которое можно описать, это не Дао вовсе»¹.

¹ Здесь имеется в виду первая строка центрального памятника даосизма: Дао Дэцзина (道德經) в классической разбивке на 81 чжан (章) (параграф\главу): 道可道非常道 — переводится она по-разному: «Дао, которое может быть названо, не есть истинное Дао»; «Если Дао могут высказать, Дао не является незбылемым» и т. п. У самого слова «Дао» существует огромное количество

Алан долгие годы работал над своими книгами, пытаясь описать то, что по природе своей неопишимо, и в конце концов он все-таки сдался — теперь писал не он, книга писала себя сама. Он обратился ко мне за поддержкой. Алан очень хотел ощутить гармонию тела и ума с течением *Дао* в занятиях Тайцзи²! И он наслаждался своей

значений: дорога, путь, способ, средство, закон, принцип, истина, учение, мнение, основание, проводить, проходить, говорить, выражать и другие. Многие из этих значений обыгрываются в трактате, и в первой фразе сам иероглиф 道 является разной частью речи, в зависимости от позиции в предложении: существительное и глагол, а потому перевод на любой другой язык здесь затруднен, и в оригинале по-английски автор предисловия весьма интересно подходит к переводу «The Tao that can be Tao-ed is not the Tao», т. е. пытается придать существительному «Тао» глагольное значение, сохранив «корень» существительного. В любом случае сама первая фраза ставит проблему «номинации», «называния» Дао как трансцендентной истины — как только она облекается в слова, отсекается множество ее составляющих, а потому истинное Дао нельзя полностью передать словами. Также в отношении названий стоит отметить, что китайские труды и термины в транскрипции принято обычно записывать курсивом, без кавычек. Т. е. Чжуан-цзы будет обозначать труд, а Чжуан-цзы — философа Чжуан Чжоу, который имел титул цзы и написал труд Чжуан-цзы — (Прим. науч. ред.)

² Здесь, конечно, имеется в виду не просто Тайцзи (太極 «Великий предел») — то, что иногда ошибочно называют символом «Инь-Ян» — а именно Тайцзицюань 太極拳 (букв. «кулак великого предела» — один из видов ушу (武術), часто подразумевает под собой именно

новообретенной энергией. Первые пять глав он писал так воодушевленно, словно совершил великое открытие и он весь сиял, озаренный своим творчеством! Все мы наблюдали за тем, как Алан пишет, и даже не сомневались, что это будет его лучшая книга и, конечно, самая живая и полезная. Мы никак не могли дождаться, когда он ее наконец закончит!

С самого начала для меня было большой честью и радостью помогать Алану. Больше всего ему нравилось, когда я читал оригинальные китайские тексты. Мы оба с волнением разбирались в трудных местах, где можно было наткнуться на двусмысленность или истолковать фразу разными способами. Мы смотрели на все существующие переводы, спорили, пытались понять их и отбрасывали в сторону, а затем брались за перевод сами, потому что очень хотели создать тот вариант, который нам бы понравился.

Благодаря Алану я перестал стесняться того, что не могу свободно говорить по-английски. Он часто повторял, что мой ломаный китайско-английский намного точнее передает китайскую философию и мне не нужно так стараться, чтобы

гимнастику, хотя иероглиф цюань (拳) «кулак» указывает на то, что это все же рассматривается как боевое искусство — (Прим. науч. ред.)

его улучшить. Как команда преподавателей мы дополняли друг друга. Вдвоем мы были идеальным союзом, который помогал людям пережить то, что, по их мнению, они и так знают: перенести их из собственной головы в тело, а затем обратно — в сущность тела-разума. И наконец, Алан попросил меня проиллюстрировать книгу моими каллиграфическими иероглифами. Мы согласились, что плавные рукописные мазки «травяное письмо»³ очень живописно показывают путь воды Дао.

После того, как мы закончили главу «Дэ — добродетель», я заметил особый блеск в глазах Алана, он сказал: «Вот, наконец, мои читатели, как и я, будут довольны, когда прочитают эту часть, в которую я вложил все свои знания. Дальше в книге будут только веселье и сюрпризы!» Алан надеялся, что сможет донести Дао до читателей так, как он практиковал и проживал его каждый день. В жизни Алана открылись новые возможности. Он был точно ребенок, готовый и способный придерживаться нового курса, следовать за неизбежными изменениями энергии.

³ Цаошу 草書 — общее название нескольких скорописных стилей китайского письма. Вообще в данном случае иероглиф 草 обозначает скорее «быстрый», «небрежный», «неаккуратный», указывая на скоропись, но т. к. у него есть и значение «травя», то чаще его переводят более поэтично «травяное письмо» — (Прим. науч. ред.)

Это был наш последний совместный семинар в Эсалене, когда под конец полуденного занятия на нас всех снизошел дух — и мы смеялись, танцевали, катались по травянистым склонам, а потом мы с Аланом шли к своему жилищу, воодушевленные, обнимая друг друга и похлопывая по спине. Алан повернулся ко мне и начал говорить, — думаю, он собирался впечатлить своим красноречивым рассказом о том, какую успешную работу мы проделали на этой неделе. И я вдруг заметил в его выражении лица нечто новое, прорыв: от него исходило сияние, все вокруг искрилось! И Алан совсем иначе открыл мне свои чувства: «Да... Ха... Хо... Ха! Хо... Ла-ча-ом-ха... Дэг-дэг тэ-тэ... Та-дэ-дэ-та-тэ-та... Ха-тэ-тэ-ха-хом... Тэ-тэ-тэ...» Мы проговорили и протанцевали всю дорогу на вершину холма. Прохожие понимали, что мы говорим. А Алан знал, что никогда ранее он — даже в своих книгах — не выражался лучше, чем в тот момент.

На собрании, посвященном памяти Алана Уотса, в Дворце изящных искусств в Сан-Франциско кто-то из публики спросил у Джано Уотс: «Расскажите, каково это было — жить с Аланом?» Она ответила: «С ним не соскучишься! Он весь излучал радость и не было ни дня без сюрпризов. И самый большой сюрприз из всех был

шестнадцатого ноября прошлого года». Тем последним вечером своей жизни Алан Уотс играл с воздушными шарами. Он говорил, что их невесомость и это ощущение полета похожи на его «душу, покидающую тело». Той же ночью его душа отправилась в новое путешествие верхом на ветре, заливаясь радостным смехом.

Он оставил нас, живых, страшно тоскующих по его живости, полной человеческой бодрости. Но еще он оставил пустые страницы, вероятно, для нескольких глав о «радости и сюрпризах» в книге о *Дао*, которую он начал писать. Для многих, с кем он обсуждал свою работу или с кем встречался во время летних занятий по даосизму, пока писал эту книгу, «Путь воды», очевидно, что в последних двух главах из предполагаемых семи Алан хотел показать, как древняя, вечная китайская мудрость может стать лекарством от болезней Запада. А теперь, как бы парадоксально это ни звучало, но ее нельзя считать лекарством или «таблеткой», принимаемой умом, — нужно впустить ее в наше естество, чтобы она преобразила отдельные жизни людей, а уже через них — наше общество.

Эльза Гидлоу, давняя подруга и соседка Алана, часто обсуждала это со мной. Вот что она написала в дальнейшем:

永

11

Дао. Путь воды

«Алан считал, что современный человек мира технологий, пытаясь полностью подчинить себе природу (через которую он хотел увидеть себя отдельным существом) и все уклады человеческого общества, застрял в ловушке и сам стал подчиненным. Любой контроль требует еще большего контроля до тех пор, пока тот, кто «контролирует», не запутается окончательно. Алану нравилось повторять то, что Лао-цзы⁴

⁴ Обратите внимание, что существует несколько традиций записи титула цзы (子) (букв. «мудрец») и любых других титулов, к примеру, ван (王) (правитель, государь; в классике: «царь»), а также китайских имен вообще. Чаще всего титул цзы, как и любой другой, записывается через дефис, т. е. Лао-цзы, Чжуан-цзы, Сюнь-цзы, Мэн-цзы и т. п. Титулы не мудрецов и трудов, которые приписаны этим мудрецам, а правителей: Вэнь-ван, Лу-гун, Ци-хоу и т. п. Однако не все ученые придерживаются именно такой записи, а потому в сносках, при отсылке на другие труды, где читатель может обнаружить дополнительную информацию, в названии работ подобные имена могут писаться слитно: Лаоцзы, Чжуанцзы, Сюньцзы и т. п. Что же касается имен собственных, то сейчас через дефис принято выделять именно титул\должность, а вот фамильный иероглиф, плюс имя из двух иероглифов теперь принято писать без дефисов. Если раньше в научной русскоязычной литературе часто можно было столкнуться с именами в подобной записи: Чэн Ду-сю, Цюй цю-бо, Ван Ань-ши и т. п., то теперь традиция сменилась и их принято записывать слитно, не забывая отделять фамилию и имя: Чэн Дусю, Цюй Цюбо, Ван Аньши. Если проецировать на современность — имя и фамилия нынешнего председателя КНР, согласно старой традиции, записывалось

говорил императорам: «Управляйте огромной страной так, будто готовите мелкую рыбешку: без особых усилий»⁵. Но нужно понимать, что Алан никогда не считал, что «путь воды» в человеческих делах — это вялый, безответственный и апатичный образ жизни. Поток стекает не только вниз по склону. Вода и влага испаряются, покидают землю, ручейки, реки, океан, поднимаются в верхние слои атмосферы, это как будто «выдох», за которым следует «вдох», а он возвращает воду на землю в виде росы и дождя. Это удивительный круговорот, живое взаимодействие. Нет контроля, нет «главного», все происходит так, как должно, *цзыжань*.

бы как «Си Цзинь-пин», однако читатель никогда не сталкивался с таким написанием, т. к. традиция сменилась и принята запись, согласно которой эти фамилия и имя будут оформлены как «Си Цзиньпин». — (Прим. науч. ред.)

⁵ Стоит отметить, что данная фраза, открывающая 60 чжан Дао Дэцзина в оригинале не содержит в конце «без особых усилий» — это явно авторский комментарий-разъяснение при цитировании — 治大國若烹小鮮 — т. е. «Управление великим царством подобно приготовлению малой рыбешки» (в эпоху Чжоу еще не было понятия «страна», а Китай представлял из себя множество царств — го (國)). И тут, конечно, весьма дискуссионный вопрос, стоит ли добавлять «без особых усилий», т. к. подразумевается здесь скорее принцип невмешательства, недеяния у-вэй (無為), о котором подробно будет рассказано в основном тексте труда А. Уотса. — (Прим. науч. ред.)

永

13

Дао. Путь воды

Мы можем только предполагать, как в своих последних главах Алан собирался поведать Западу о том, что осознать и прожить путь Дао просто необходимо. Но мы знаем наверняка: Дао преобразило его, ведь он позволил проникнуть вглубь его естества, и потому замкнутый, в некоторой степени скованный молодой англичанин, который живет исключительно в своем мире, повзрослел и стал более открытым, непринуждённым, веселым мудрецом. Он верил, что повсеместное принятие глубокой мудрости даосизма может точно так же преобразить и Запад. И эта книга должна поспособствовать этому процессу».

Поэтому, когда все указывали на меня — мол, я должен взять на себя завершение этой книги, — я понял, что мне не следует подражать Алану или проникать в его мысли — мне нужно попытаться показать, опираясь на все свои знания о нем, куда именно он пришел. Первые сентиментальные попытки были, скорее, данью уважения. Я оживлял в памяти воспоминания об Алане Уотсе. Мне хотелось поделиться с читателями моим представлением о нем как о цельном человеке, а не только как о мыслителе и писателе. Я написал о нашей первой встрече, когда мы танцевали на пляже Санта-Барбары, о нашем первом восточном ужине,

на котором Алан говорил по-японски больше, чем я. Я писал о потрясающих событиях и моментах, что случались во время наших совместных семинаров, ведь тогда-то ясно проявлялось истинное *Дао* Алана как учителя и человека.

Я помню канун Нового года, когда мы попросили слепого барабанщика сыграть наш рукописный, каллиграфический диалог. Помню, как все подхватили настроение чернильных изгибов и брызг, оставленных кистью, и стали танцевать свой собственный танец, будто их тело — это кисть. Еще был случай, когда мы с Аланом повели слепую девочку в наш тело-разум через касания и движения — и она наконец увидела и почувствовала нас своим внутренним взором. Припоминаю ритуалы и игры, в которые мы играли, свадьбы, которые проводились не в привычном строгом порядке, а в духе истинной любви и единения. Импровизированный *тяною*, или чайные церемонии, которые проходили хоть и без аутентичной посуды, зато с глубочайшим уважением.

Алан мог философствовать и при этом веселиться. И главной задачей считал также веселить и свою аудиторию. Он мог легко перейти от серьезной учености и обязательного

заучивания к новым, более высоким уровням радостного, естественного развития.

Ну а теперь все эти воспоминания — лишь мысли о минувшем. Что происходит с Аланом сейчас? Каковы теперь его непрекращающиеся «радость и сюрпризы»?

Накануне нового 1974 года, когда Алан проходил свой путь *бардо* (тибетский и китайский концепт промежуточного состояния между смертью и перерождением)⁶ длиной в сорок девять дней, а до его пятьдесят восьмого дня рождения оставалось совсем ничего, я видел весьма странный сон, в котором время, место и люди постоянно менялись. Сначала, как мне казалось, я был в Китае и видел монахов, — они пели во время ритуала, посвященного *бардо* моего отца. Затем я оказался в круглой библиотеке Алана, где он сам проводил службу, и говорил по-китайски голосом моего отца. Я играл на

⁶ На самом деле, термин «бардо» (по-тибетски (བར་དོ) (на санскрите — «антарабхава» (अन्तराभावा), а по-китайски «Чжун'ю» (中有)) связан не только с промежуточным состоянием между смертью и перерождением. Бардо — это в принципе «промежуточное состояние»; количество выделяемых «промежуточных состояний» варьируется от источника к источнику, так, к примеру, можно выделить и бардо жизни — промежуток от зачатия до начала процесса умирания или фатальной болезни. — (Прим. науч. ред.)